

ОРФИЗМ: ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОКРОВЕННОГО ЗНАНИЯ

Целью настоящей работы является краткий обзор орфизма, религиозно-мистического течения в Древней Греции, существенно повлиявшего, по мнению многих исследователей, на развитие философской и религиозной мысли Греции, Рима и Европы в целом.

Орфей:

«Орфей пел и рассказывал, как и небо, и земля, и море, которые некогда объединялись в одну форму, были разъединены; и как звезды, луна и ход солнца держатся как вечные знаки на небе; и как поднялись горы, и появились журчащие ручьи с нимфами, и все ползучие существа»¹.

Начало своего движения орфики возводили к легендарному музыканту из Фракии Орфею, жившему, согласно легендам, в ахейскую эпоху. Орфей прославился волшебным даром, который получил от своей матери, музы Каллиопы. Его игра и пенье покоряли стихии; когда он путешествовал с аргонавтами, волны и ветер смирялись, зачарованные дивной музыкой. Об Орфее рассказывали, что, пытаясь вернуть на землю свою невесту Эвридику, погибшую от укуса змеи, он спускался в Преисподнюю. И даже там его лира творила чудеса: чудовища закрывали свои пасти, успокаивались злобные эринии, сам властитель Аида был покорен Орфеем. Навсегда потеряв Эвридику, обернувшись при возвращении на землю, певец скитался по земле, не находя покоя. Но вскоре и его самого настигла гибель.

Во Фракии он встретил толпу безумствующих вакханок, которые в припадке исступления растерзали Орфея. Каллиопа со слезами собрала окровавленные клочья тела и погребла на вершине горы Пангея. Лишь голова певца вместе с его неразлучной лирой упала в море, и волны вынесли ее на остров Лесбос. Там она была помещена в расселине скал и изрекала пророчества. Все эти сказания напоминают вавилонские и египетские мифы, где Каллиопа играет роль Исиды, собиравшей клочья тела Осириса. Обычно считается, что история Орфея — лишь отражение дум о жизни и смерти, которые волновали греков в эпоху возникновения орфизма. Однако Орфей, таким каким он предстает у Диодора Сицилийского в его «Суммарном изложении легенд об Орфее», является основоположником компаративизма в области религиозных и мистических культов. Сицилийский историк помещает его в центр некоего механизма, соединяющего обрывки варварской мудрости и зародившегося несколькими веками позднее христианства. Первые христиане часто изображали на стенах катакомб прекрасного юношу, укрощающего диких зверей игрой на арфе и олицетворяющего, очевидно, победу божественного духа над торжеством темных сил.

Истоки: Кроме мифов, источником для знакомства с доктриной орфиков являются теогонические поэмы и так называемые «Орфические гимны». Последние, разумеется, не сложены самим певцом, поскольку

¹ Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. М., Орфей-Пресс, 2001, стр. 267

упоминания о его жизни принадлежат авторам, жившим в 6 в до н.э., в то время как первые записи относятся к 5 в н.э., а в нынешней своей форме они не старше 2 в. до н.э.

В качестве артефактов от такого «мощного», судя по отголоскам, учения, мы имеем сейчас лишь несколько погребальных золотых пластин, папирус 3 в. до н.э, излагающий мифологическую теологию орфизма, и некоторое число поэм. Кроме того существуют, конечно, косвенные свидетельства, представленные изложением учения в трудах пифогорейцев, неоплатоников и гностиков.

История: Прямых доказательств, что в Аттику орфизм проник непосредственно из Фракии не существует, как и нельзя с уверенностью назвать Фракию «колыбелью» орфиков. Отголоски «гимнов» звучат как в наследии Крита, так и в некоторых древнеиндийских трактатах(как, например, вера в перевоплощение в новых кругах рождения). Конечно, речь может идти о заимствованиях или общих культурно- исторических предпосылках, но, скорее всего, это вероучение основанное на культах Диониса-Загрея, по своему происхождению гораздо старше того божества, с именем которого отождествлялось и самые смелые в своих выводах исследователи считают, что его истоки затеряны где-то в ритуалах первобытной аграрной магии. Однако, с некой мерой условности, исходной точкой формирования доктрины принято считать Фракию, хотя бы потому, что там находится гора Пангей – то самое место, где знаменитый певец был растерзан вакханками. По преданию, его голова была выброшена волнами на берег Лесбоса, где сохранялась какое-то время как священная реликвия. К слову, Лесбос, приняв таким образом эстафету, подарил Греции двух не менее прославленных певцов – Ариона и Терпандра. Итак, из Фракии, по торговым путям через Лесбос и Коринф, движение орфиков проникло в Аттику и дальше на греческие колонии в Италии и Сицилии и расцвело здесь шире и на более долгое время чем где-либо в другом месте в Греции.

Космотеогония. В отличие от «официальной», так сказать, олимпийской религии и разного рода мистерий и культов, Орфизм имел хорошее обоснование, касаемо его мифологического построения, в котором уже просвечивали элементы философии. Это особенно сказывается в орфической «космотеогонии», как неким синтезе космогонии и теогонии.

Согласно орфикам, не боги создали Вселенную - она произошла из естественных физических сил мира. Космос, как и музыка, это прежде всего порядок. А в начале было... время – Хронос, которое Плотин назовет позже первичным «созерцающим умом», и предстающий перед нами в образе крылатого дракона с головой быка и льва и ликом бога между этими двумя головами. От Хроноса, Хаоса и Эфира зарождается яйцо Вселенной. Яйцо расширяется, затем раскалывается и из одной его половины образовывается небо (Уран), из другой – земля (Гея), а между ними возникает Биос – жизнь. В более поэтической интерпретации это выглядит примерно так:

«В начале его не было, оно стало существовать, оно превратилось в яйцо, яйцо разбилось, одна половина была из серебра, другая из золота: серебряная половина стала землей, золотая – небом»².

² Орфей, стр.50

Из этого-то мирового яйца и «вылупляется» Эрот или Фанет, двуполое существо, «прародитель блаженный горних богов и тоскующих смертных, чьи жизни конечны»³. Он и привел Космос в движение, породил Нюкту (ночь – свою противоположность), Солнце и Луну, Гею (землю), Урана (небо) и Понт (море).

Далее, как у Гесиода – Уран и Гея рождают Киклопов, Мойр и Титанов. Один из титанов – Крон – свергает своего отца и пожирает своих детей. Рея спасает Зевса, который придя к власти, проглатывает Фанета, отождествляя себя с ним. Зевс вступает в брак с Герой. На этом сходство с Гесиодом кончается. Далее Зевс вступает в связь со своей матерью Реей, отождествленной орфиками с Деметрой, а затем со своей дочерью от Реи. Эту дочь зовут Кора, она же Персефона. Кора-Персефона рождает Диониса-Загрея, т.е. «первого» Диониса. Подстрекаемые ревнивой женой Зевса Герой, титаны пожирают Диониса-Загрея. Именно эта часть мифа воспроизводилась в орфическом обряде омофагии, когда посвящаемые, которые в обычной жизни воздерживались от мясной пищи, поедали сырое мясо быка. Зевс испепеляет титанов ударом молнии. Когда это происходит, титаны были все еще запачканы в крови своей жертвы, и вот из этого-то смешения крови и пепла и возник человеческий род, завершающий собой цикл орфической теогонии, ее конечный результат и цель.

Впрочем, Дионису еще предстоит родиться как минимум дважды. Афина приносит Зевсу подобранное ею сердце Диониса, которое титаны не успели пожрать. Зевс проглатывает его и таким образом Загрей обретает бессмертие и способность к новым воплощениям. Свое второе рождение бог-сын получает в образе Эпафа, сына Ио, умерщвленного Посейдоном, а затем уже Зевс снова производит Диониса от Семелы. Орфические гимны «соединяют» в едином облике Диониса все три ипостаси земного воплощения Зевса.

*Бурный Дионис, ликующий,
грохот повсюду творящий.
О, первородный и триждырожденный, владыка безумья,
Дикий, двурогий, двуликий
В себе две природы сокрывший, Плющ изумрудный, неистовый Вахх,
восклицающий: «Эвой!»⁴*

Интересно здесь также заметить, что Орфей и Дионис в сущности антиподы. Ведь Орфей, как изобретатель стихосложения и мелодии, тяготел все же к Аполлону, солнечному богу аристократии. Дионис же, олицетворяющий собой безмерность и освобождение от запретов, что явно выражалось в его «вакхических» культах – к демосу. Будучи приверженцем Аполлона, а по одной версии даже его сыном, Орфей, «растерзанный» вакханками, стал жертвой Диониса, врага Аполлона. Парадокс орфизма в том, что, взойдя на почве экстатических мистерий Диониса-Загрея, он соединился позднее с «чистым» служением солнечному Аполлону.

Орфический Эрот. Итак, по орфическим представлениям, первым богом (Протогоном) является Фанет, отождествляемый с Эротом. Эрот здесь самая мощная божественная сила, заложившая основу всего сущего. Творящее начало, персонифицирующееся затем в облике Зевса – демиурга.

³ Орфей, стр.51

⁴ Орфей, стр.118

Появление Эрота-Фанета наглядно и ясно отражено в комедии Аристофана «Птицы»⁵:

*Вовсе не было воздуха, неба, земли. В беспредельном
Эребовом лоне.
...и вот из яйца появился Эрот
Сладострастный.
Он явился в сверкании крыл золотых, легконогому ветру
Подобный.
С черным Хаосом в Тартаре сблизился он, в беспредельной обители
мрака,
И от этого мы появились на свет, первородное племя Эрота.*

*Из различных смешений различных вещей появились и небо, и море,
И земля, и нетленное племя богов.*

Эрот-Фанет здесь отождествляется с Всемирным тяготением, единой энергетической подосновой всего Космоса. «Двуполюсность» Фанета объясняется тем, что до момента его появления еще не существовало противоположностей, мужского и женского, Земли и неба, верха и низа и только он, этот «умный свет» «делает все видимым и выводит, показывая, из неявленного явленное». Эрот становится, таким образом, творящей причиной всего сущего. «Халдейские оракулы» (2 в.), опирающиеся на орфические представления об Эроте так отражают эту концепцию:

*«Отцовский самопорожденный ум, постигнув свое творение,
оплодотворил все вещи пламенными узами Эрота, с тем, чтобы все
всегда продолжало любить, и чтобы нить отцовского умного света
никогда не прерывалась...целомудренный Эрот, который связывает
все вещи и является их великим руководителем»⁶.*

Орфическая Антропология. В столь странном смешении первооснов человеческой материи – крови и пепла титанов, виделась орфиками фатальная раздвоенность человеческой природы. И поэтому, предназначение человека полагалось как уничтожение титанического (низкого и подлого) и развития дионисийского (божественного). Только так возможно выбраться из круговорота безысходности жизни и судьбы, принципе, отраженном в имени в великой критской богини Кибелы-Реи: «Все течет, изменяется и проходит». Только, искупив своей жизнью «грех титанов» можно вырваться из колеса, направив свое земное существование не по кругу, а по «спирали». Одной из формул, которую орфики заучивали для декламации в другом мире звучала так:

*Я избег колеса страданий
И с помощью быстрых ног достиг желаемого венца.*

Этот стих, заимствованный из орфического обряда посвящения, выражает собой в общем-то революционную для рабовладельческого

⁵ А.Боннар. Греческая цивилизация. В 3-х томах. М., «Искусство», 1995 г., т.2 стр.149

⁶ Цит. по Протопопова И.А. Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. Античный любовный роман, стр.228

государства мысль о том, что жизнь представляет собой испытание или соревнование в беге, но любой человек, храбро вступивший в соревнование, сколько бы он не был скромнен и унижен, может выиграть приз славы и стать богом.

«Желаемый венец» здесь – смерть, как освобождение души из ее телесной могилы и шанс покинуть, наконец, Колесо, присоединившись к небесному сообществу блаженных. Смерть и является началом подлинной жизни. После смерти душа предстает перед судом. И если она настолько глубоко испорчена телом, что уже после не может быть исцелена, она присуждается к вечным мучениям в подземельях Тартара. Если она исцелима, то она очищается и отсылается на землю для возобновления искупления. Освобождение и счастливая жизнь среди благословенных суждены тем, кто троекратно безупречно проживет жизнь. Подобно Орфею, спасшему свою Эвридику (во всяком случае предпринявшем такую попытку) его последователи считали, что выход из подземного царства возможен, если душа не будет «рабом» по отношению к телу, а станет его полновластным господином. Своеобразный революционный протест, против превращения человека в раба, в говорящее орудие. К этой цели вела жизнь в соответствии с орфическими принципами, среди которых был воздержание от употребления в пищу мяса и бобов, сохранение ритуальной чистоты и т.п.

Этот дуализм - разделение на душу и тело, одно чистое, другое испорченное, одно божественное, другое смертное, и подчинение души телу, есть нечто новое в греческом мировоззрении и развернется в полную силу только уже в трудах Платона.

«Те умершие, которые проводили исключительно благочестивую жизнь, освобождаются от пребывания в тех местах, в земле находящихся и прибывают наверх, в чистое жилище»⁷.

Именно в тот исторический момент, когда уничтожались последние следы племенного общества, возникает бок о бок с Мойрой орфическая фигура Ананке. Это слово обычно переводится как «необходимость» и со многими контекстами этот перевод хорошо согласуется, но его действительное значение более конкретно – «принуждение» или «насилие». Так на одной из найденных в Сицилии ваз 4-3 в. до н.э. с изображением сцен жизни в Преисподней над фигурой Сизифа художник помещает изображение Ананке с бичом руке. Ананке не Мойра, а мать мойр. Высшая необходимость, которой подчиняются даже боги. Безысходная фатальность власти судьбы – надсмотрщика за делами человеческими подчеркивалась не только тем, что она – сама необходимость, но и также тем, что от нее нет спасения даже в смерти.

Судьба выступает не только как внешняя сила, но и как сила грубого принуждения. Однако, эта, казалось бы, столь безысходная концепция являлась уже намечающейся альтернативой традиционной идее перенесения вины на потомков и являла собой ростки индивидуалистической тенденции, т.е. признание за самим человеком ответственности за свои поступки и его независимости от традиционных социальных и семейных структур, его свободы. По мнению орфиков,

⁷ Платон, стр. 220

будущность человека – в его руках, и на этом пути нельзя делать уступок кому или чему бы то ни было. Иначе человек выпьет отраву зла, которая утянет его в дальние бездны Эреба. Все люди становились равноправными на пути добра и достижения знания.

Влияние орфизма. Судя по всему, орфики существенно повлияли на дальнейшее развитие религиозной и философской мысли Греции, Рима и Европы в целом. Во-первых, они могли быть одним из камней в фундаменте нового, отличного от Милетской школы, философского учения, раскрывшегося в полную силу в трудах неоплатоников и гностиков, а это основы идеализма. Во-вторых, самым выдающимся учеником орфиков был знаменитый Пифагор и даже нередко высказывалась мысль по поводу того, что пифагорейцы были практически орфической общиной. По крайней мере, очевидное сходство на лицо: оба движения – тайные общества, допуск в которые производился особым обрядом посвящения, вегетарианство, вера в бессмертие души и в возможность освобождения от колеса необходимости и смерти.

Как писал двумя веками позже Эпикур, формулируя в двенадцати греческих словах (Tetrapharmakon) средство для излечения человечества

Нечего бояться богов. Нечего бояться смерти.

Можно переносить страдания. Можно достичь счастья⁸.

Для подготовки работы использованы материалы:

1. Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. М., Орфей-Пресс, 2001
2. Протопопова И.А. Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. Античный любовный роман.
3. Платон. Избранные диалоги. Эксмо, 2007
4. А. Боннар. Греческая цивилизация. В 3-х томах. М., «Искусство», 1992 г
5. В.П. Горан. Древнегреческая мифологема судьбы. «Наука», 1990
6. Дж. Томсон. Первые философы. М., 1959
7. Дж. Томсон. Исследование по истории древнегреческого общества. М., 1958
8. А.Н. Чанышев. Курс лекций по древней философии, М., Высшая школа, 1991

⁸ Андре Боннар т.3, стр. 223